

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО образования и пути его преодоления

Виктор Иванович Слободчиков,
профессор, член-корреспондент Российской академии образования,
доктор психологических наук (г. Москва)

Инга Владиленовна Королькова,
заместитель сопредседателя Международного научно-экспертного совета
по духовно-нравственной безопасности при Российском институте стратегических
исследований, кандидат педагогических наук (г. Москва)

Андрей Александрович Остапенко,
профессор Кубанского государственного университета и Екатеринодарской духовной
семинарии, доктор педагогических наук (г. Краснодар)

Марина Владимировна Захарченко,
профессор кафедры социально-педагогического образования Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования, доктор философских наук
(г. Санкт-Петербург)

Евгений Владимирович Шестун (архимандрит Георгий),
профессор, академик РАЕН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики
и психологии Самарской Православной Духовной семинарии, настоятель Заволжского
монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня,
доктор педагогических наук (г. Самара)

Сергей Юрьевич Рыбаков (протоиерей),
заместитель руководителя отдела религиозного образования и катехизации Рязанской епархии
Русской Православной Церкви, доцент кафедры теологии Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина, кандидат физико-математических наук (г. Рязань)

Дмитрий Александрович Моисеев (иерей),
священник Алатырской епархии Русской Православной Церкви,
кандидат биологических наук (Республика Чувашия)

Сергей Николаевич Коротких (протоиерей),
руководитель отдела религиозного образования и катехизации Калининградской епархии
Русской Православной Церкви, духовный попечитель (духовник) НОУ Православной
гимназии (г. Калининград)

Россия всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала своё непохожее вселенское, всеединое, соборное, общее Дело и мировоззрение, на которых и выстраивала воспитательную стратегию, основанную на мессианстве, жертвенности и справедливости. А затем предлагала её миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась скучным аутсайдером. Тогда в чём особенность России и русского пути вообще и какова стратегия национального воспитания в частности? Разумеется, в коротком тексте ответить на него сколько-нибудь полно невозможно — авторы высказывают позицию и несколько принципиальных замечаний.

Путь России

Преувеличивать и драматизировать нашу особенность не стоит. Россию иногда называют Евразийской цивилизацией, подчёркивая, что она особым образом соединила в себе Европу и Азию. Это верно, но лишь отчасти. В собственно культурном плане, т.е. в том, что касается внутреннего содержания жизни (смыслов, ценностей и идеалов), Россия относится к восточной (византийской) ветви Средиземноморской цивилизации, построенной на соединении греко-римской античности и христианства. Православие, воспринятое Россией у Византии и положенное в основание российской государственности в виде формулы «Москва — Третий Рим», во многом иначе, чем католицизм или протестантизм трактует вопросы духовной жизни. Но и то, и другое, и третье — христианство. Другими словами, Россия и Запад имеют общий культурный корень: эстетические, интеллектуальные и духовные ценности, преломляемые и понимаемые, разумеется, зачастую по-разному. Другое дело — Азия. С ней Россию роднит многое, но не самое существенное. От Азии Россия переняла многие политические и социальные формы, закрепившиеся в период монгольского владычества, но в ценностном и смысловом плане Россия отличается от Азии гораздо сильнее, чем от Европы. И ещё одно важное отличие России и от Европы, и от Азии. Будучи православной по духу культуры и политики, Россия сумела соединить симфонию народов и религий. Русский ислам и русский буддизм вносили непохожие лепестки

в российское соцветие народов и вер. Такого не знала Европа, рожавшая модерн в пламени кровавых религиозных войн. Не знала и Азия, равнодушно взвизгивающая на бесконечное множество любых богов.

Своеобразие российской духовной культуры и той вести, которую несла миру Россия, связано с православием. Однако, вот парадокс, наиболее сильное влияние России на мировую политику и культуру было в XIX—XX вв. — времени «упадка» православной культуры. В XIX веке Россию настигает то, с чем Европа столкнулась одним-двумя столетиями раньше — секуляризация, обмирщение государственной и общественной жизни. А как же «Православие, самодержавие, народность»? Почитаем, что пишут о состоянии православной жизни величайшие русские святые XIX века — Святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Оба единодушно говорят о кризисе подлинной религиозности, вырождающейся в обрядоверие, когда культ (внешняя форма) подменяет собой суть (состояние души). Об этом же писали многие русские классики, тот же Н.С. Лесков в «Соборях».

Но у российской секуляризации есть принципиальное отличие от западной. Отличие, в котором в Новейшее время и проявилась та особенность пути, которая позволяет России до сих пор и в нынешнем крайне тяжёлом положении сохранять потенциал возрождения и глубокого влияния на судьбы мира.

Ведущим регулятором жизни в России стала культура. Российский XIX век — век всемирного торжества величественной русской культуры во всех её сферах — музыке, балете, театре, живописи. А во главе всего этого — великая русская классическая литература как авангард духовного и культурного развития страны. XIX век был веком *Литературы*. При этом литературу ни сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение. Она была учебником жизни, а русские писатели — её учителями. В то время как в Европе бурно развивались социология и психология, в России их развитие было весьма скромным. И это неудивительно, русская литература сумела соединить невозможное — художественные средства познания человеческой души с вполне научной глубиной и тщательностью этого познания. Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого и других отечественных классиков изучают во всём мире, ибо трудно найти что-то более самобытное и не похожее на западные модели в мире культуры, чем русские классики.

Современные реформы образования в пространстве культуры

Процессы реформирования образования затрагивают не только содержание образования, создавая системные проблемы в знаниевых и воспитательных компонентах, но и разрушают логическую структуру территориального размещения образовательных учреждений.

Так, серьёзной угрозой становится разрушение системы сельских школ. Они продолжают массово закрываться. Современное российское село продолжает деградировать в связи с сокращением числа сельских школ, связанным с огульным осуществлением т.н. оптимизации расходов на содержание муниципальных и региональных структур образовательных организаций. Это ещё одна прямая угроза национальной безопасности. Аргументация чиновников, основанная на утверждении о «нерентабельности» и «неэффективности» сельских школ наивна и нелепа. С такой же степенью наивности можно говорить о «нерентабельности» теоретической науки. Неадекватность и неадекватность аргументации в пользу сиюминутно-материального эффекта по сравнению с негативными социально-эко-

номическими последствиями очевидны. Без развития села невозможно импортозамещение в продовольственной сфере.

Кроме того, сообщества людей, формирующиеся на основе общественной практики труда на родной земле, выполняют в обществе важную культуuroобразующую роль. Неэффективный с точки зрения получения прибыли в логике капиталистического производства труд на земле обладает высоким духовным потенциалом и обладает важным ресурсным значением для развития культуры общества.

Главная проблема построенной сегодня системы управления российским образованием заключается в том, что стратегическое мышление в ней не проявлено. Стратегические ориентиры образования предъявляются членам управленческих команд фрагментарно, в отрыве от признанных концепций науки управления. Управленческие документы не содержат в себе развёрнутого, последовательного стратегического взгляда на развитие образования. Более того, они зачастую противоречат один другому. Ситуация с управленческими документами часто напоминает популярную в «лихие» 1990-е мошенническую игру «в напёрсток» (самый яркий пример — ситуация с отменой в 2014 году принятой в 2000 году «Национальной доктрины образования до 2025 года»).

В такой ситуации практика управления основывается на неосмысленном выполнении поручений и предписаний вышестоящего руководства, без учёта смыслов, сущности и целей этих поручений. В теории управления такая практика известна, описана. Это практика управляемой деконструкции объектов, она применяется для разрушения систем, подлежащих уничтожению.

В документах, претендующих на стратегическое значение, в основу образовательных стратегий (концепций) полагаются быстро меняющиеся, временные

конкретно-исторические задачи экономического, политического, социального характера, ошибочно принимающиеся за стратегические приоритеты, отвлекающие на себя колоссальные ресурсы и не приносящие должных результатов. Они не обеспечивают главное — «онтологический статус «образования вообще» и, соответственно, фундаментальные смыслы современного образования».

Современные отечественные реформаторы «Стратегии» не видят дальше 10 или 15 лет, тогда как стратегия — это вектор, ориентированный на абсолютные цели, который не изменится через 50 или 100 лет.

Управление на основе базовых национальных (цивилизационных) ценностей и стратегических целей, обозначенных в новейшей Стратегии национальной безопасности (2015 год), сегодня полностью отсутствует в отечественной системе образования. Декларируемые в ключевых управленческих документах цели развития российского образования («Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы») не соответствуют базовым национальным ценностям.

Наблюдается разрыв между ценностными и целевыми ориентирами. «Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 г.» декларирует ценности, но не указывает цели, как их достичь и удержать, а «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» формулирует цели развития образовательной системы в полном противоречии с базовыми ценностями. Это дезориентирует практиков и управленцев, создаёт почву для лицемерия и двойных стандартов в профессиональном педагогическом сообществе.

Существует достаточно документов, в которых декларированы традиционные ценности как основа развития образования в России. Ценностная декларация содержится в Преамбуле Конституции РФ и полагает в качестве ценностей свободу и независимость

России, многонациональный народ РФ, соединённый общей судьбой на родной земле, память предков, завещавших любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Национальная доктрина образования, успевшая сыграть свою роль в становлении стратегических ориентиров, указывает на такие ценности, как историческая преемственность поколений, сохранение и развитие национальной культуры, нравственность и патриотизм, взаимное уважение народов и культур. Духовно-нравственное развитие человека и духовно-нравственные ценности, выработанные в процессе исторического развития России, положены во главу угла и в Законе об образовании в Российской Федерации (2012) и в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.», и в Основах государственной культурной политики (2014 г.), и в ФГОС («Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009), предлагающая понятие базовых национальных ценностей).

Эти концепты указанных документов очерчивают горизонты созидательной стратегии развития отечественного образования.

Однако управленческий механизм реализации заявленных идей не построен. Так, в редакции Закона об образовании от 2007 года была выстроена адекватная данной задаче иерархия образовательных результатов. Закон определял, что образовательные программы должны обеспечить духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки учащихся (ст. 9 п. 6). Но этот закон более не действует. В сменившем его Законе от 2013 года в определении целей образования заложена двусмысленность. Декларируется, что образование осуществляется в целях интеллектуального,

духовно-нравственного и (или) профессионального развития учащихся. Использование союза «или» в определении нормы закона создаёт ситуацию абсурда: анонимный субъект общественной практики получает возможность и право присвоить себе прерогативу определения иерархии целей образования.

Показательна позорная история с Национальной доктриной образования. Документ появился в 2000 году. Имея название «Национальная доктрина образования в РФ до 2025 года», он стал уникальным документом стратегического долгосрочного планирования в образовании. Документ был создан в контексте задачи, поставленной первым президентом России — разработать национальную идею. На волне обсуждений вместо национальной идеи появилась национальная доктрина образования, она широко обсуждалась научно-педагогическим сообществом на всём пространстве России — от Калининграда до Владивостока. Статус такого документа требовал обсуждений в Думе и подписи президента. Однако документ был принят постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года». Доктрина всячески замалчивалась, многие документы в сфере образования принимались при полном игнорировании её приоритетов. Однако в педагогическом сообществе о ней не забыли. Когда проходило широкое обсуждение Федеральных государственных образовательных стандартов в 2008–2009 году, ряд их важнейших положений об определяющем значении преемственности поколений, духовно-нравственного развития и воспитания в иерархии целей образования, о значении традиционных ценностей в содержании образования продвигался в опоре на положения Национальной доктрины образования.

И видимо, чтобы предотвратить повторение ситуации, Национальная доктрина образования была тихо отменена постановлением Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». В качестве документа, утратившего силу, Доктрина значится под № 51 в списке из 96 документов. Стратегический документ поставлен в один ряд с актами, определяющими меры по обеспечению специализированной

мебелью образовательных учреждений (№ 14 в списке: «Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 1994 г. № 688»). В примечании к списку указаны основания для отмены: «Данные меры обусловлены приведением нормативной правовой базы в соответствие с Законом об образовании и сопутствующими ему поправками».

Как отмечается на сайте Правительства РФ, некоторые акты фактически уже «утратили силу, другие противоречат законодательству, ещё часть регулируют правоотношения, которые должны регламентироваться ведомственными актами». Остаётся только догадываться — Доктрина образования, определяющая стратегию развития образования до 2025 года, утратила силу? На каком основании? Или она противоречит законодательству? Каким нормам закона может противоречить документ, согласно которому эти нормы должны приниматься на его основе? Или этот документ имеет ведомственный характер? Тогда какое ведомство должно отвечать за национальную стратегию образования?

Наряду с отменой в марте 2014 года *Национальной доктрины* распоряжением Правительства Российской Федерации (от 29 мая 2015 г. № 996-р) принята «Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 г.». Этот документ по статусу ниже *Доктрины* (всякая стратегия принимается на основе *Доктрины*). Он охватывает только часть образовательной реальности — воспитание. Документ этот представляет собой лишь бессистемное описание направлений деятельности. Его нельзя назвать полноценной стратегией. Он не содержит механизмов реализации заявленных приоритетов. Одновременно Правительство Российской Федерации распоряжением от 29 декабря 2014 г. № 2765-р утверждает «Концепцию Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг.», которая определяет

реальные управленческие механизмы развития системы образования в РФ на пять лет. При этом целевой вектор программы никак не связан с проблематикой духовно-нравственного развития и воспитания на основе традиционных ценностей и даже противоречит ему. Если категория духовно-нравственного развития ориентирует образование на становление целостного человека, то целевая программа говорит о человеческих ресурсах производственной системы в её современной либерально-технократической форме, уже уходящей в прошлое.

Управление образованием на современном этапе развития

В педагогическом сообществе до сих пор не оформлено чёткое представление о сущности и смыслах государственной политики в сфере духовно-нравственного образования (развития, обучения и воспитания). В России накоплен большой опыт в области духовно-нравственного воспитания, полученный за 30 лет на началах инициативного общественно-педагогического движения в профессиональном сообществе, в социально-педагогическом партнёрстве с родительской общественностью и традиционными религиозными конфессиями. Однако масса документов и материалов (нормативно-правовых, аналитических, идеологических, программных и т.д.), в большей или меньшей степени посвящённых вопросам духовно-нравственного образования, пока не подвергается специальному выявлению, изучению, анализу, обобщению и популяризации. Зачастую их научное обобщение вызывает сопротивление в господствующих научно-педагогических корпорациях.

Сам процесс управления как механизм приведения деятельности в соответствии с нормами (законами, нравственными принципами и т.д.) профанирован. По сути, мы имеем в настоящее время не столько управление образованием, сколько манипулирование педагогическим сообществом посредством жё-

сткой административной регламентации действий педагога. В практике очевиден шантаж практикующих педагогов функциональными обязанностями.

Это неизбежно следует за потерей ценностных оснований педагогической практики. Если ценности не утверждены и цели образовательной деятельности не приведены в соответствие с базовыми ценностями, невозможно правильно выбрать педагогические технологии, средства и правильно выстроить всю педагогическую деятельность. Осмысленная деятельность, направленная на получение осмысленных результатов, превращается в формальное функционирование. И роль чиновника при этом сводится к чёткому обеспечению этих формально функционирующих процессов. Механизмы образовательной системы работают, а ожидаемого для общества и государства результата не получается.

Образование в «Законе об образовании» декларировано как «общественное благо», а направление реформ превращает его в отрасль капиталистического производства, т.е. в область, которая должна контролироваться монополиями и приносить экономическую прибыль. При этом критерии качества и эффективности, внедряемые в образование, заимствуются из области менеджмента сферы услуг. Эффективность деятельности образовательных организаций оценивается по формальным критериям, главной расчётной единицей оценки становится прохождение образовательной программы, качество освоения которой измеряется формализованными количественными процедурами, всё больше отчуждаемыми от содержательного педагогического процесса. Между тем, возможности формальных количественных процедур ограничены.

ЕГЭ — как универсальный количественный показатель качества освоения образовательных программ общего образования многими оценивается как инструмент, оказывающий разрушительное влияние

на фундаментальное ядро образования и уровень образования.

На заседании Государственного совета 23 декабря 2015 года, говоря о снижении уровня образования в процессе реформ, был озвучен пример результатов ежегодной Международной математической олимпиады, прошедшей в Таиланде: «Российская сборная заняла 8-е место по баллам, а в общекомандном зачёте, по медалям, оказалась на 21-м. Хотя до этого десятилетиями российские школьники занимали на подобных олимпиадах первые места, и последний раз это было в 2007 году. Потом три года подряд мы были вторыми, следующие четыре года — четвертыми, а теперь — 8-е место. Эта печальная статистика служит абсолютно объективной оценкой ЕГЭ, который был введён в качестве обязательной формы оценки знаний как раз в 2008 году».

Однако у процедуры ЕГЭ есть и другая сторона, благодаря которой она имеет много защитников. Создавая видимость независимой оценки качества образования, он позволяет формировать технологичные системы с их последующей монополизацией. Этот процесс формирует специфический социальный слой менеджеров в образовании, которые мыслят не педагогическими категориями (главные из которых — человек, его ценности, его достоинство и качество жизни), а экономическими категориями прибыли, финансовой эффективности и капитализации. Именно этот слой постепенно захватывает в свои руки управление отечественным образованием и подчиняет её развитие своему узкокорпоративному интересу, который заключается в том, чтобы получать прибыль в подконтрольной сфере общественного производства.

В годы реформ неоднократно имели место факты прямых рейдерских захватов образовательных учреждений, когда над образовательной организацией с давними традициями, сложившимся преподавательским коллективом, обеспечивающим высокое качество образования, устанавливали контроль группы тех, кто, определяя себя как «эффективных менеджеров», постепенно меняли качественные характеристики образовательного процесса в сторону коммерческой структуры, работающей в логике достижения формальных показателей. Такой

стиль руководства является разрушительным для профессиональных традиций и резко снижает качество образования, внешне демонстрируя «высокую эффективность» формальных показателей, которые имеют мало отношения к действительным образовательным результатам.

Примером такого мышления является и новейший управленческий документ, определяющий текущее направление катастрофических трансформаций в системе образования Российской Федерации — «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016—2020 годы» (Правительство Российской Федерации, распоряжение от 29 декабря 2014 г. № 2765-р).

Программа изначально не выстроена в категориях национального воспитательного идеала воспитания нравственного человека, обладающего гражданским, патриотическим сознанием, компетентного и ответственного в профессиональной сфере. Цель Программы — «обеспечение условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала».

Человек отменяется — так читается цель Федеральной целевой программы. Онтологическое содержание человека, его целостность и укоренённость в истории и культуре определяет целостность социально-педагогической реальности. Документ «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016—2020 годы» фактически производит её фрагментацию. Логика фрагментации заложена в самом способе постановки задач программы. В ней нет задач системного развития образования, поскольку не выявлена миссия, не определены ценности как системообразующие. Определены только задачи и направления, каждое из которых выделяет фрагмент целостной социально-педагогической реальности (работа с талантливыми детьми,

работа с детьми из неблагополучных семей, развитие дополнительного образования, построение системы независимой оценки качества образования и пр.). И под каждую из задач формируется механизм собственного развития этого фрагмента реальности в его собственной логике: создание для него блока нормативных документов, образовательных программ, экспериментальной работы, критериев оценки эффективности и пр. В реальности талантливые дети, дети из неблагополучных семей и обычные дети учатся в одном классе и вместе посещают организации дополнительного образования, но программа не ставит задачи создания механизмов формирования и развития единого воспитательного пространства школы, района, т.е. не задаётся способ связывания выделенных фрагментов и таким образом программирует фрагментацию профессионального сознания педагога.

Самой капиталоемкой задачей целевой программы является создание системы независимой оценки качества образования. Эта задача — совершенно иной системный уровень реализации экономических идей, вдохновлявших создателей системы ЕГЭ. Для всякого элементарно грамотного в экономике человека очевидно, что «национально-региональная система независимого мониторинга и оценки качества образования на всех его уровнях» — это капиталоемкий и очень прибыльный коммерческий проект, на который должна будет работать вся система российского образования, а прибыль от него будет присваиваться узкой корпоративной группой.

Поскольку в целевой программе никак не рассматривается проблематика разработки и общественного обсуждения показателей качества образования, а сама образовательная цель сформулирована не в педагогических, а в экономических категориях, очевидно, что разработчикам не важна релевантность системы показателей оценки качества образования, она не составляет для них научной проблемы. Для них важен только сам факт существования единой системы оценки качества образования (при отсутствии критериев соб-

ственно качества образования) и подчинённое положение всех образовательных организаций этой системе.

Таким образом, имеет место процесс формирования касты образовательных менеджеров-экономистов, которые готовы «переродить» всю систему образования. С точки зрения психолого-педагогической науки многие их действия не оправданны, что говорит об их непрофессионализме. Зато они в своём роде «конкурентны» и «успешны», только в другой области — являются «профессионалами в получении денег» или, как в своё время высказался академик и вице-президент РАО В.В. Давыдов, успешно занимаются «подготовкой организаторов чужой жизни в свою пользу».

Реальная результативность образования

Если оценивать результаты деятельности образовательной системы, используя критерии «успешность» и «конкурентоспособность», то на государственном уровне их нужно мыслить не столько в экономическом или финансовом, сколько в морально-идеологическом, геополитическом, военном и культурном смыслах. Такая результативность возможна только при обеспечении устойчивости духовной основы образования. Для этого нужна совсем другая модель образования.

Нынешняя модель российского образования, не соответствует цивилизационной модели России и противоречит «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятой 31 декабря 2015 года (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). В частности, в *Стратегии* говорится о том, что логика момента в сфере национальной безопасности заключается в сохранении суверенитета России и утверждении её роли как одного из лидеров в полицентрическом глобальном

мире, что обеспечивается сохранностью и защитой ценностной основы нашей цивилизации.

Один из важных факторов угрозы национальной безопасности связан со стремлением США и его партнёров сохранить доминирование в мире через повсеместное насаждение модели глобализации по образцам западной цивилизации как единственного центра глобального управления. Модель российского образования — это часть проекта по созданию глобальной образовательной модели, выстроенной по заказу западных финансово-политических институтов.

В качестве серьёзной угрозы национальной безопасности России отмечаются действия агентов идеи доминирования в мире западной цивилизационной модели — действия в сфере как политической, так и информационной.

Россия определяет себя как одного из лидеров иной модели глобализации — полицентрической, где каждый цивилизационный регион имеет возможность развиваться на основе собственных цивилизационных традиций и утверждать свой национальный суверенитет в логике партнёрства и равноправных отношений. Однако для этого ей необходимо иметь не только суверенные политику, вооружённые силы, промышленность и сельское хозяйство, но и, прежде всего, суверенную образовательную систему, ориентированную на утверждение российской цивилизации как равноправного партнёра в современном пространстве геополитической конкуренции, соответствующую традициям её исторического развития и преемственно вбирающую в себя модели российского образования, выработанные в различные эпохи её бытия во времени мировой истории: аскетическое, братское и общинное образование древности, классическое образование имперской эпохи, фундаментальное образование советского периода.

Механизмы контроля качества образования и аттестации педагогических кадров разрушают профессиональную педагогическую традицию, которая является важным ресурсом развития образования. Механизм экспертизы учебных пособий и допуска их в образовательную среду не позволяет сформировать достаточную методическую базу для развития содержания обра-

зования на основе традиционных ценностей, но напротив, открывает широкую дорогу для проникновения в школу учебной литературы, созданной на иных цивилизационных основаниях.

Для исправления складывающейся ситуации, в организационном плане, представляется необходимым иметь компетентный орган или ряд компетентных органов и институций, непременно с участием профессионального сообщества и широкой общественности, в том числе инициативных движений.

Однако в настоящее время в гуманитарной сфере в России не осталось ни одной инстанции, которая могла бы давать независимую экспертную оценку деятельности Министерства образования и науки и называть вещи своими именами. Российская академия образования стала подчинённой структурой Министерства образования, а Российская академия наук находится в состоянии ползучей реформации. Общественно-педагогическое движение находится в латентном состоянии и не имеет внятных организационных форм и механизмов предъявления позиции.

Необходимость новой парадигмы и модели российского образования

Необходима новая стратегия развития образования, в которой интерес транснациональных корпораций будет ограничен логикой отношений равноправных геополитических партнёров в многополярном мировом пространстве, заявленной в *Стратегии национальной безопасности*. Центральное место в ней должен занять интерес государства, ориентированного на вектор суверенного цивилизационного развития, интерес национально ориентированных производственных корпораций и интерес общества, заявляющего в качестве приоритета высокое качество жизни человека в России, утверждение в преемственности поколений её духовной самобытности, проявленной

в духовных и культурных традициях нашего цивилизационного мира.

В связи с этим перед современным российским обществом и государством стоит важная и ответственная цель — изменение парадигмы образования. Не имеет смысла нынешнюю систему образования в России обновлять и реконструировать.

Российскому образованию нужна модель не отстающая и уходящая, а опережающая. Эта модель может быть создана на антропологических основаниях. Её интенциональный объект — человек, сохранение и утверждение облика «вечного человека» в его целостности, подлинности человеческого существования в условиях технократической экспансии и воспитание способности и решимости человека к смене вектора цивилизационного развития с «трансгуманистической» потребительской цивилизации, убивающей человеческое в человеке, на цивилизацию, создающую условия для духовного роста и становления человечности в каждом человеке.

В новой стратегии российского образования необходимо развернуть его антропологические основания, его мировоззренческое содержание, характеристику основных традиций, образующих цивилизационную основу развития России, включая профессиональную педагогическую традицию, которая основана на идее воспитания человека, свободно и ответственно посвящающего себя служению *Истине* и *Благу*.

Переход от кризиса образования к новому этапу развития состоит в том, что для начала необходимо школы и вузы, учителей и преподавателей вернуть в нормальное бесстрессовое, функциональное состояние. Практические меры для этого таковы:

- Опубликовать очень короткий перечень документов и видов отчётности, которые должна предоставлять школа и вуз учредителю и контролирующим органам. Ввести зако-

нодательный запрет на предоставление школой или вузом отчётности и информации сверх этого перечня. Чиновников, множащих отчётность и документацию, считать вредителями.

- Сократить количество управленцев в системе образования на всех уровнях — от муниципального до федерального в несколько раз, особенно в части надзорных органов и законодательно запретить практику наложения штрафов на руководителей школ и учителей.

- Законодательно избавить школы, вузы, учителей, преподавателей и классных руководителей от несвойственной им работы, а именно: а) от написания рабочих учебных программ, которые должны разрабатывать учёные-методисты; б) от двойного ведения документации (журналов, дневников и пр.) в электронном и бумажном виде; в) от предоставления информационных писем и отчётов в органы, не являющимися учредителями школ и вузов.

- Избавить школы и вузы от обязательного участия в бесконечных конкурсах и фестивалях и отменить порочную практику зависимости зарплаты руководителя от количества конкурсов и мероприятий, в которых приняла участие школа или вуз.

- Объявить пятилетний мораторий на деятельность надзорных органов в отношении всех образовательных организаций общего, профессионального и дополнительного образования независимо от их правового статуса (государственных, муниципальных, частных).

- Прекратить практику выстраивания всяческих рейтингов между учениками, учителями, школами, вузами, муниципалитетами как множащую приписки и ложь на всех уровнях.

Эти технические меры могут и должны быть осуществлены быстро. При этом совершенно очевидно, что отрицательно они

никак не повлияют на деятельность школ и вузов. Они позволят вернуть педагогическое сообщество в состояние, когда возможно нормальное обсуждение перспектив развития будущего.

- Необходимо признать ошибочным курс на увеличение количества учебных часов для освоения учащимися предметов социально-экономического цикла, что отразилось в государственном образовательном стандарте и федеральном базисном учебном плане. Сократить объём часов обществознания (особенно в основной школе), существенно изменить содержание этой предметной области, через которую последние два десятилетия насаждалась чуждая для России система квазиценностей, защищать от которых наших людей призвал Президент. Отрастить в содержании предметной области обществознания подходы отечественной социальной мысли к основным проблемам цивилизационного развития человечества, учитывая, что именно на основе этих подходов сформировалось видение современной цивилизации как системы равноправных партнёров в полицентричном мире, поддержание стабильности которого заявлено как национальный интерес России.

Повсеместный переход на профильное образование в старшей школе по всей России, увы, не добавил глубины в выбранном профиле (это подтвердит большинство преподавателей вузов и результаты международных олимпиад школьников), но породил узость. Практика универсальной фундаментальности и энциклопедизма старшей школы и создания на этой базе отдельных школ (или классов) с углублённым изучением отдельных предметов оказалась более результативной. Возврат этой практики положительно скажется на системе школьного образования.

- Срочно пересмотреть содержание исторического, языкового и литературного образования, которое за последние десятилетия было экзотическим образом «обновлено» в сторону отхода от традиционных ценностей. Учителям истории и литературы привить понимание и знание их главной задачи, которая состоит в том, что через эти два предмета необходимо показать воспитанникам образцы положительной героики и высокой нравственности. Любой народ, со-

стоящий из множества этносов и культур, выстраивают две скрепы — общий язык и общая история.

- Заменить в учебных планах школ предмет «технология» предметом «производственное обучение», заменив теоретическое обучение по учебникам реальным полезным трудом с освоением реальных жизненно важных трудовых навыков.

- Разделить процедуры выпускной школьной итоговой аттестации и вступительных вузовских испытаний как имеющих принципиально разные диагностические задачи и методики, ибо выпускной экзамен — это диагностика результата, а вступительный экзамен — это диагностика готовности. Это избавит школы от необходимости тестовой формы контроля, которая разрушает традиционные для отечественного образования целостность и системность мировоззрения школьников, а вузы — от необходимости принимать в число студентов тех, кого они не видели в глаза. Аргументация о борьбе с коррупцией не должна диктовать ни содержание образования, ни формы контроля. Эту проблему должны решать не учителя и не директора школ.

- Ввести предельно допустимую аудиторную нагрузку учителя, обеспеченную при этом достойной заработной платой, не ниже, чем средняя по экономике региона.

- В целях ликвидации перегрузки учителей и дефицита внимания ученикам ввести мониторинг показателя количества учеников в расчёте на одного учителя.

- Ввести предельно допустимый коэффициент отношения между заработной платой региональных и федеральных чиновников системы образования и средней заработной платой рядовых педагогов.

- Избавить методические службы при органах управления образованием от контрольных и надзорных функций, одновременно обязав их обеспечивать педагогов программно-методическими материалами (типовыми программами, методическими рекомендациями и пособиями).
- Прекратить практику проведения внешне навязываемых муниципальными и региональными органами образования пробных, тренировочных, диагностических контрольных работ, тестирований и прочих проверок и срезов.
- Пересмотреть нормативные требования к лицензированию, аттестации и аккредитации педагогов, школ и вузов в части уменьшения документации. Признать неадекватной практику аккредитации школ и вузов, во время которой количество документов, предоставляемых школами в надзорные органы, исчисляется десятками килограммов, а вузами — центнерами.
- Прекратить практику оценивания результативности работы школ и вузов по количеству проведённых мероприятий и по количеству конкурсов, в которых принято участие, а педагогов по итогам компьютерного тестирования.
- Изучить возникшие за последние годы высокорезультативные альтернативные формы получения образования (семейные классы, семейные школы, разноуровневые и разновозрастные формы организации, концентрированное обучение и пр.) с целью распространения лучших образцов в массовую школу.

Образование — это благо

Отечественное образование — это прежде всего и главным образом образование человека, это становление «собственно человеческого в человеке», а не подготовка ловких приспособленцев, не социальная дрессура, не натаскивание их на функциональные предписания в виде набора компетенций.

Однако в таком своём качестве оно вообще не является предметом профессионального обсуждения и осмысления в образовательном сообществе. Как возможно, какими средствами можно обустроить процесс вочеловечивания человека, обретения им фундаментальных, собственно человеческих способностей? Эти вопросы практически не обсуждаются ни на высших научных и управленческих уровнях, ни на уровнях конкретной образовательной практики. Речь, как правило, идёт лишь о формировании многообразных знаний, умений, компетенций человека, которые только и востребованы бизнесом, социально-производственными системами и которые легко утилизируются этими же самыми системами.

А когда у человека за душой ничего больше нет, кроме заказанного набора свойств, то он также легко и главное — целиком может стать таким же предметом утилизации. По сей день главным ориентиром форм организации образования остаётся тщательная подготовка выпускника для использования его в этих самых социально-производственных системах. Сегодня речь уже идёт о «профессиональной» (в кавычках, конечно) подготовке дошкольника к школе, младшего школьника — к старшей школе, старшеклассника — к профессиональной школе.

Следует специально подчеркнуть, что именно в отечественной философско-педагогической мысли было сформулировано: образование — это всеобщая культурно-историческая форма становления и развития сущностных сил человека, его родовых способностей. Образование — это общественное благо, это благая весть каждому человеку о возможности обретения им образа человеческого во времени истории и пространстве культуры, который не записан в генах отдельного индивида и не отпечатан в наличных социальных обстоятельствах. Собственно, антропологическая миссия современного образования — это становление у человека фундаментальных потребностей и способностей,

главными из которых становятся потребности и способности к самообразованию, к саморазвитию, к выходу на подлинно личностный способ бытия. Данная интерпретация — это виденье образования в пространстве человеческой реальности.

Итак, миссия и высший смысл современного отечественного образования — это служение Отечеству (а не обслуживание центров власти); это дар новому поколению (а не услуга в сфере потребления); это благо для каждого, это благоствие о собственно человеческом в человеке (а не средство его расчеловечивания).

Педагогический процесс в единстве позиций взрослого

Позиции родителя, мудреца, умельца и учителя — ядерные, не сводимые друг к другу; они составляют практически всю материю совместной жизни детей и взрослых, хотя в реальной жизни в чистом виде встречаются редко. Базовые педагогические позиции символизируют начальные и необходимые условия полноценного, гармоничного развития детей, подростков, молодых людей.

Жизнь со взрослыми в бытийных позициях позволяет человеку встретиться с настоящим в многообразии его проявлений и с вечностью. Встреча с родителем дарит ребёнку непосредственную радость существования, переживание самоценности жизни, способность жить настоящим, а не только готовиться к настоящей и будущей жизни. Встреча с мудрецом дарует способность найти, создать, усмотреть в общечеловеческой сокровищнице жизненных ценностей своё сокровище, свет и богатство собственной души.

Взрослые в культурных позициях дают возможность человеку стать достойным собственного прошлого: в общении с умельцем освоить уже нажитые людьми культурные ценности и не бояться будущего; в общении с учителем обрести способности браться за новые задачи, которых не было в опыте прежних поколений. Освоение детьми культурных норм, средств, способов работы (практической, умственной, организационной) — главный продукт работы взрослого

в культурных позициях. Умелец погружает ребёнка в совместное действие и учит действовать. Учитель «разрывает плотную ткань» действия, высвобождая фазу чистого обучения, ориентировки в том, зачем, что и как надо делать. Он учит не действовать, а предварительно учиться действию.

Кстати, не следует смешивать позицию учителя с педагогической должностью. Человек может хорошо работать в школе, но не занимать позиции учителя: он может общаться с детьми и как умелец, и как мудрец, и даже как Родитель. Реальная жизненная позиция каждого взрослого человека — это уникальный в своём роде сплав исходных позиций; так из отдельных звуков складывается единый аккорд, а из исходных красок — новый цвет.

В соответствии с антропологическим принципом, единицей рассмотрения и пространством организации профессиональной педагогической деятельности — это ступень образования как сфера развития базовых способностей растущего человека «здесь и теперь». Конкретный смысл образовательных событий, масштаб образовательных задач, тип педагогической позиции определяют общим смыслом становления личности на этой ступени образования.

При описании базовых педагогических позиций на ступенях образования важны действия взрослого в его взаимоотношениях с дошкольниками, младшими школьниками или подростками, юношами, девушками и молодыми людьми, и взрослыми.

Основная инициатива во взаимодействии с дошкольниками принадлежит взрослому, который, вовлекая ребёнка в новые сферы общей жизни, буквально возвращает в детском организме телесные и душевные способности, позволяющие ребёнку соучаствовать в общей жизни со взрослыми. Посвящение, приглашение,

включение, допущение ребёнка в различные сферы жизни — вот основная работа взрослых в совместной жизни с дошкольниками. Существенно, что и побуждение (пробуждение) к каждой новой области жизни, действий, чувств, мыслей, и руководство (буквально: вождение рукой за руку), и полнота самостоятельности (не говоря уже о полноте ответственности) практически никогда не принадлежат самому ребёнку.

От полной беспомощности и зависимости к частичной, но уже изрядной самостоятельности — такой путь проходит ребёнок от рождения до порога школы. И если для взрослых (родителей) самостоятельность как способность оставаться самим собой в любых жизненных обстоятельствах, свобода от внешних влияний и принуждений — приоритетная культурная ценность, то к концу дошкольного детства ребёнок может обрести бесценный дар: творческую инициативу, некапризную волю, спокойную веру в свои возможности, которую не следует путать с самоуверенностью. Это возрастная норма развития дошкольников. Яркие проявления этих способностей наблюдаются в детской игре — своеобразной школе талантливости, инициативности, самостоятельности, самообладания дошкольников.

В отношениях «взрослые — подростки» — взрослый по-прежнему вводит подрастающего ребёнка в новые области жизни, в сферы наук, искусств, культуры общения, но внутри каждой такой области жизни взаимодействие со взрослым должно строиться и развиваться по инициативе подростка (младшие и старшие школьники), приглашающего (или не приглашающего) взрослого к участию и помощи. Роль взрослого состоит теперь в возможно более отстранённой, ненавязчивой, анонимной поддержке подростковых инициатив, в создании условий для их осуществления. Младший школьный возраст понимается нами как противопоставленный дошкольному детству и сближённый с отрочеством — временем поиска своего Я. Основание для такого сближения коренится в нере-

ализуемой возрастной возможности младших школьников сделать первый шаг к настоящему саморазвитию — возрастной норме развития подростков.

Коренное отличие молодости, юности от предыдущих возрастов состоит в том, что подростки — это подрастающие дети, а молодёжь (учащиеся, студенты) — это молодые люди. Юность и молодость — это возраст потенциальной возможности для взрослых и жизненной необходимости для юных подлинного, партнёрского равенства, сотрудничества, сотворчества, совместных усилий по построению общей жизни — взаимодополнительности инициатив и поддержки. Отношения взаимной и полной ответственности есть норма взаимоотношений и молодых, и взрослых.

В этой возрастной группе в предельной выраженности и чистоте просматриваются отношения внутри всех взрослых возрастов. Симметричности истинного равенства в этих отношениях нет: каждая сторона вносит в них нечто своё, то, чем в принципе не обладает другая, отношения бескорыстной заботы, в принципе существующих без расчёта на взаимность, без оплаты. Взрослые дети ухаживают за больными родителями не для того, чтобы иметь в доме лишние рабочие руки, а старая мать помогает дочери по хозяйству вовсе не из благодарности за бесплатный стол и кров. Заострённые на полюсе старости отношения бескорыстной заботы есть норма взрослых взаимоотношений.

Будущее у России и мира есть только в том случае, если мир прислушается к русской вести о смысле и милосердии. А чтобы это произошло нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко. Это непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. Для этого нужен новый огонь, новый язык, новая жертвенность.